

Колдовские *Миры*

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

Драконья доля

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Кузьмина, Надежда Михайловна.

К89 Драконья доля / Надежда Кузьмина. — Москва :
Издательство «Э», 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-699-84596-5

Если вы родились в тридевятиом царстве, это не гарантия того, что ваша жизнь — сказка. Если в жилах течёт часть крови легендарных магических существ, это не значит, что вы сами необычны и особенны. Прадед Шианы был драконом, но сама она — всего лишь крестьянская девчонка, живущая с мачехой и отчимом в деревенской глуши на юге Драконьей Империи.

Сможет ли та, кому от рождения «не дано», преодолеть силу тяжести, привычки, предрассудки — и подняться в высоту?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84596-5

© Кузьмина Н., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

*Кто я — сорванный ветром лист,
Неприкаянное перекасти-поле?
Ни друзей, ни врагов, ни семьи,
Я не знаю, кто я.
Кто я?*

*Кто ты — медленный сладкий яд?
Обожжёшь? Отогреешь заботой?
Друг мой, враг мой, моя семья,
Я не знаю, кто ты.
Кто ты?*

*Что там? Небо напололам
Поделила черта горизонта.
Мне б взлететь, заглянуть — что там?
Я однажды узнаю, что там.¹*

¹ Стихотворение Юлии Киселёвой, написано для этой книги.

Глава 1

Если вы родились в тридевятом царстве, это ещё не гарантия того, что ваша жизнь — сказка.

Н. Кузьмина

Я разогнула спину, отряхнула руки и оглядела клубничную грядку. Так, половина позади. Выдранные сорняки кучками валялись в проходе, годные к посадке усы с воздушными корнями лежали отдельно, прикрытые влажной ветошью.

Солнце нещадно пекло непокрытую голову. Край соснового бора вдали, за некошеным косогазом, казался плывущим в тёплом мареве. Жарко... Передохнуть бы... Вот сбежать бы сейчас на озеро, раздеться до рубахи и, шлёпая ногами по зелёной ряске на поверхности воды, зайти по пояс. А потом, не задерживаясь, чтобы пиявок на ноги не нацеплять, поплыть от берега прочь, туда, где из тёмного зеркала плёса торчат цветущие жёлтые кубышки... Лечь на спину, уставиться в небо и смотреть на облака. Вот то — дом с трубой, а это — почти дракон, только одно крыло короче, чем надо... А потом и самой представить, что невесома, что лечу...

— Син, ты что посередь огорода пугалом застыла? — слышался голос Лив с крыльца. — Если устала полоть, так сходи к колодцу, у меня вода кончается.

Согласно кивнув, побежала за коромыслом с вёдрами. Воду так и этак нести, так почему не

сейчас? А ещё, может, увижу Бора — его дом прямо напротив, и крыльцо, и огород отлично просматриваются от колодца. Пока крутишь колесо, можно поглядеть. Вдруг повезёт? Сейчас время обеденное, вдруг он вернулся домой и отдыхает в теньке на завалинке?

Только выйдя из калитки, сообразила: коромысло с ведрами взяла, на Бора губы раскатала... а сама-то и впрямь на пугало похожа! Нос опять покраснел на солнце, серая рубаша прилипла к спине, ладони от сорняков все зелёные, юбка старая, с драным подолом. Пугало пугалом и есть! Может, повезёт, и Бор с отцом ещё в поле?

Наша небольшая деревня из четырёх десятков дворов стояла на холмистой равнине южнее Бердена. Место было удачным, здоровым. От сосновых лесов окрест шёл смоляной дух, земля — супесь, как её назвал заезжий агроном — отлично родила пшеницу и кукурузу, скоту было, где пастись, а от Запретных гор на востоке нас отделяло целых сто лиг¹, так что обитавших там тварей мы не боялись. Рассказывали, что однажды невиданно холодной зимой оттуда пришла большая стая горных волков и погрызла половину деревенского скота. Крупные, небывало сообразительные зверюги ночью пере душили как кутят всех деревенских псов, а потом добрались и до коров с овцами — запрыгнув на крышу, сдирали когтистыми лапами мох и дранку, которыми принято было крыть в деревне кровли,

¹ Лига — мера длины. Имперская лига равна примерно полутора километрам.

и через просветы между жердями прыгали вниз, в хлев. После той зимы даже самые ленивые стали делать обрешётку из толстого горбыля, да так, чтоб и кошке с трудом между досками протиснуться. Но то было ещё до моего рождения. А вообще у нас, в Красных Соснах, было тихо... Если сам на гадюку в черничных кустиках в лесу не наступишь — до ста лет доживёшь!

Вот моей бабке — Рилее — стукнуло в этом году шестьдесят три. Сморщенная, как сухое яблоко, с руками, похожими на куриные лапы, бабка Рила жила от остальной семьи отдельно, в старой баньке за огородом. Печь там была справная, полати хорошие, стены из толстых брёвен, крыльцо крепкое — отчего бы не жить? Я бы тоже так не отказалась.

Бабка Рила была моей единственной кровной роднёй. Но эта история была так запутана, что в двух словах и не расскажешь...

Началось всё аж сорок с лишним лет тому назад, когда молодая ещё девица Рилея поехала с деревенским обозом в Берден на осеннюю ярманку. А на обратном пути забрела на привале в лес — грибы, вишь ли, приглянулись! — заблудилась и отбилась от обоза. Вышла на какую-то незнакомую дорогу, по солнцу сообразила, куда идти... и дошла бы. Да опять решила ум явить, угол срезать — и в результате чуть не сгинула в болоте.

— Провалилась по шею, только руками за ветку держусь... Ну, думала, уж мне конец. А тут он с неба и упал! Подхватил меня со спины и из трясины выдернул! Так рванул, что я оба башмака потеряла. А он засмеялся и к реке отнёс. Я как в воду глянула, так завизжала с перепугу — кикимора-кикиморой! —

лицо зелёное, волосы слиплись, одёжа вся в грязи болотной чёрной. Он и говорит: «Ты обмойся, я на берегу подожду!» А мне и страшно, и стыдно, и боюсь — вдруг улетит: а кто ж знает, где та река? Зашла в воду по шею, лицо умыла, волосы прополоскала, одёжу сняла, а куда её в воде денешь? Отстирала как смогла и стою, что делать дальше, не знаю. Оглянулась — а он с берега на меня смотрит...

В этом месте истории бабка всегда делала паузу. Замолчит, только губами шамкает, улыбается. Что именно вспоминала — мне она никогда не рассказывала. Зато что было дальше — я знала.

Тот дракон, точнее, полудракон, что спас бабушку, отнёс её прямо в деревню. И на том не кончилось. Пошёл к старосте, поговорил, а наутро, как по волшебству — а, может, и впрямь по волшебству, на краю деревни возник наш дом. Такой же, как все остальные. Только построен за одну ночь. Как — непонятно. Мужики до сих пор под шапками затылки чесали, прикидывали, откуда тот залётный дракон брёвна взял, да как их ночью так клал, что никто не слышал.

Но, как-никак, а через год на свет появился мой отец. Такой же черноголовый, как был мой дед. И как я сама. Дед, правда, в деревне не сидел — всё время куда-то улетал. Но всегда возвращался. И, хотя детей у них с Рилеей больше не рождалось, бабку в деревне уважали, а её, как у нас говорят, «хозяйина» — побаивались. И не зря. Именно дед, которого неведомо как сумела позвать на помощь бабка, за день нашёл и перебил всех тех горных волков, сбросив с неба две дюжины трупов с переломанными спинами на деревенскую площадь. Одна из шкур — огромная,

иссиня-чёрная, с проседью вдоль хребта — висела на стене в нашей избе до сих пор.

Отец, названный непривычным в деревне именем Шиар, уже был подростком, когда до деревни докатились слухи о войне на востоке. Дед улетел... и больше не вернулся. Оставленных им денег хватило, чтобы Рилея безбедно прожила ещё несколько лет, а потом снарядила выросшего сына на промысел — купила хорошего коня, телегу — отец не хотел копаться в земле, всё его куда-то тянуло... Вот он и задумал заняться перевозками — страну посмотреть, постранствовать, денег заработать.

— Скучно ему было тут сидеть, глядеть день за днём, как солнце на востоке встанет, да на западе сядет... А какая у него улыбка была... Краше нет, весь в отца! Я думала, он на дочке старосты женится, остепенится, внуков мне полон дом нарожает. Та на него так смотрела...

«Та» — это живущая на другом краю деревни младшая дочка прежнего старосты тётка Павлинка, весом в пять пудов и с полудюжиной отпрысков. Хотя мне она нравилась. И я ей тоже. Часто, когда не видел дядька Фролт, её сердитый муж, Павлинка совала мне то кусок пирога с капустой, то истекающий мёдом обломок пчелиных сот. Наверное, я и впрямь, как говорили, была похожа на отца...

Затая с извозом принесла неожиданные плоды. Из второй своей ходки отец привёз маму — совсем непохожую на деревенских женщин девушку со светлыми волосами и тонкими руками.

— Красивая она была, — вздыхала бабка Рила, — да только чем сын думал, когда её в деревню волок? Она ведро с водой поднимет — вся на сторону ско-

собочится. А заставь такую косить или бороновать — так помрёт сразу. Видать же, тонкая городская кость! Шиар говорил, Лиала из купеческой семьи, что ж, мож так и есть... Только ей нелегко тут пришлось. Хотя мы с ней хорошо ладили...

Я родилась спустя пять лет. А ещё через три года отец решил, что извоз, хоть деньги и даёт, да слишком мало. А вот он слышал, в Бердене старатели рассказывали, что в Запретных горах, если место найти, изумруды да лунные камни под ногами как галька валяются! Мама со слезами на глазах умоляла его не ходить... да куда там. Ещё и сердился: пойду да пойду, для тебя, мол, стараюсь, а ты не ценишь.

Так и ушёл. И сгинул.

Ещё три года Рилея, Лиала и маленькая я оставались втроём, тянули на остаток денег, что оставил отец, выживали и ждали... А потом к нам пришёл староста Ениф и сказал, что непорядок это — околица падает, наше поле всё пыреем да репейником заросло, дом на угол проседать начал. И велел Лиале искать мужа — на такое готовое хозяйство да молодую симпатичную хозяйку желающих немало найдётся. К нему, мол, уже трое приходили, справлялись...

Через полгода у меня появился новый отец — Ортей. Крепкий, с короткой русой бородой, серыми прищуренными глазами, он быстро наладил хозяйство. В хлеву снова замычала корова, мы с матерью ползали на четвереньках по возрождённому огороду — пололи, рыхлили, выдирали вездесущую мокрицу, бабка Рилея хлопотала у печи — вся работа по дому легла на её плечи. А ещё год спустя мама Лиала умерла родами — неправильно лежащий в животе братик погиб сам и убил её. Может статься, и удалось

бы что-то сделать, как-то подсобить, спасти их, но отчим был на дальнем покосе, а бабка Рила помочь не смогла, хоть и пыталась.

А к следующей зиме в доме появилась Лив. То есть Ливая. Темноволосая, с крепкими руками и грудью, уверенной поступью, широкой улыбкой. Я очень скучала по маме, и Лив поняла — меня не ругала и не торопила. Поручала мелкие дела, помогала, если я не справлялась, научила прясть и вязать. Рукодельница, она умела даже стричь овец и плести из тонкой шерсти кружевные шали. И готовила небывалой вкусноты наваристые борщи с пряными травами. И в избе было всегда чисто — пол выметен, стол выскоблен.

Правда, когда через год родились двойняшки — Милёна да Белёна, — жить стало труднее. Сестрички орали, как резаные. То газы мучили, то зубы резались. Я, как самая в семье бесполезная, отвечала за то, чтобы остальные могли выспаться. И не спала сама. Вот тогда-то бабка Рилея и попросилась в баньку. Сначала отчим возражал, мол, баня для другого нужна, но тут бабка показала норов: напомнила, что и изба, и поле — это всё досталось от её дракона. И бумага о том есть. Так что банька для старухи — наименьшее, что Ортей может сделать. Уж если пришёл почти на готовое, пусть хоть другую баню сам себе построит! Лес рядом, за брёвна платить не надо. Найми одного-двух помощников, за пару недель управишься!

Скандалили два дня, а не разговаривали ещё почти год.

А у меня появилось место, где можно посидеть спокойно. Бабка Рила, которой я относил еду три

раза в день, смотрела на меня подолгу, качала грустно головой:

— Эх, Шини, в отца ты пошла. И волосом, и лицом... Хотя бы судьба у тебя по-другому сложилась...

А мне нравилось слушать рассказы про деда. Очень хотелось понять — как это, быть драконом? Как летать по небу? Колдовать? Может, и во мне есть эта сила?

Увы, Рила помнила мало. Морщила лоб, пожимала плечами.

— Он иногда сядет у стенки, скрестив ноги, и сидит так час, два... Называл это метировать. Или медировать? Прости, детка, не помню, и какой толк в этом медировать — мне неведомо.

Я попыталась прояснить это сама, при всяком удобном случае усаживаясь, скрестив ноги, но только нарвалась на отповедь отчима. Тот сначала поинтересовался, что за странности, потом посмеялся, сказав, что чем бы ни занимался дед, а во мне драконья часть слишком мала, чтоб вышел толк. И, наконец, запретил так садиться. Потому что если эдак выкаблучиваться — ноги станут кривыми, а кривоногую девку никто замуж не возьмёт.

Я ещё и девкой-то не была, но кривых ног всяко не хотела. Впрочем, насчёт замужества тоже не была уверена — вспоминая стоны умиравшей матери и глядя на то, как переваливается Лив с огромным животом — она как раз в ту пору носила четвёртого, — острого желания найти половинку своего сердца, как пелось в песнях, почему-то не возникало.

До тех пор, пока однажды, пойдя за водой к колодцу, я не увидела, как Бор колет у крыльца дрова.

Я даже не поняла, что застыла, пляясь на раздетого до пояса светловолосого парня, пока меня не пихнули кулаком в спину.

— Син, чего встала, тропинку перегородила? Ты за водой или как? — голос хохотушки Тиры вырвал меня из столбняка.

Я покраснела до макушки и заторопилась к колодцу.

Вот только сам Бор на меня никакого внимания не обращал... Да и понятно. Чёрная, как головёшка, жилистая, а не фигуристая, да с придурью — всё в небо пялится, ворон считает. Во всяком случае, в глазах Ортея я выглядела именно такой.

А ещё я подслушала разговор отчима с Лив. Та уговаривала его не трогать меня ещё хотя бы пару лет — все же знают, что дети с долей драконьей крови развиваются дольше! А тот смеялся, что зато драконята — двужильные. И, мол, ничего, справлюсь. А вот выдать меня замуж, да лучше в другую деревню, надо поскорее — пока в разум не вошла да не вспомнила, что из кровных родичей первого хозяина одна осталась. А то начну долю в приданое требовать, а какая тут доля, когда у самих дочери, причём Милка и Белка — почти на выданье, да сын подрастает?

Как бы то ни было, с того разговора прошло больше года, а меня никто пока не беспокоил. А сама я очень усердно поливала огород, чтобы иметь повод почаще бегать к колодцу. Впрочем, толку от этого не было никакого — только душу травить.

Зато подросла я уже настолько, что стала ходить на девчачьи вечеринки и посиделки. Хорошо! Вроде